

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

Дмитрий БРЕСЛЕР
(Санкт-Петербург)

Роман К.К. Вагинова «Труды и дни Свистонова»: поэтика заглавия

Заглавие романа Вагинова принято читать как цитату из классической литературы, поданную иронически — по аналогии с «Козлиной песней». «В заглавии — вновь ироническая аллюзия к античности. Свистонов — «говорящая» фамилия, за которой не только общепринятая, поверхностная семантика («свистун», говорящий и живущий впустую), но и специфически вагиновская: «Я не люблю зарю. Предпочитаю свист и бурю...» — эсхатологический свист пустоты». [Герасимова, 154]

Оксюморон, барочное соположение «высокого» стиля и «низкого» воедино — определенный ключ к прочтению титла «Труды и дни Свистонова» (далее, ТДС – Д.Б.). Однако за значимым для эстетики романа, но все же первым уровнем восприятия, следует второй — обнаружить который должен «посвященный» читатель, современник Вагинова, близкий к литературным кругам Петрограда и Ленинграда. И этот второй уровень смысла заглавия несет в себе определенную жанровую характеристику. В данной статье мы постараемся подобрать жанровый «код», зашифрованный в заглавии.

Косвенно о существовании такого «кода» может свидетельствовать двуплановость заглавия первого романа Вагинова, вскрыть которую не составляет труда. «Козлиная песнь»: 1) сочетание стилистически несочетаемых лексем, 2) буквальный перевод с древнегреческого жанрового определения — «трагедия».

Сегодня читатель не может с такой же легкостью разложить смысловую структуру заглавия ТДС, однако, кажется, в конце 20-х годов XX века такой читатель существовал. И, читая Вагинова, мы всегда должны стараться чувствовать на себе загадочный взгляд завсегда литературной богемы, слушателя лекционных и семинарских занятий на правом берегу Невы.

Характеристика поэмы Гесиода «Труды и дни», принятая современниками Вагинова, дает нам право проводить параллели с романом, которые вовсе не ограничиваются схожестью заглавий. В 1927 году

выходит издание «Земледельческой поэмы», которое сопровождается обширным разделом статей западных специалистов по античной литературе. Автор одной из них, Вильгельм ф. Христ, пишет следующее:

«Гесиод является отцом и главнейшим представителем дидактического эпоса, как Гомер — героического. <...> Гесиод был натурой серьезно-настроенною, критическою; он склонен был к размышлению о боге и мире, о связи между действиями человека и его счастьем, о целях человеческой жизни; он воспринимал мысли народа о подобных вещах и развивал их дальше. Гесиод ищет правды, — не забавляющей игры, не блестящей видимости. ...И правду он ищет не на сияющих высотах человеческого бытия, а в глубинах, в нужде и в *работе повседневности* <курсив мой — Д.Б.>, где естественная связь между прегрешением и страданием всего легче бросается в глаза, где вечные основные истины всякой нравственности познаются в наиболее ясных и простых формах». [Вересаев, 13]

В романе Вагинова «повседневность» прозаика поглощает в себе метафизическую глубину творческого процесса. Для Свистонова не существует минуты вдохновения, поэтических метаний, поисков, однако его творческий принцип постулируется на протяжении всего романа как теоретически выверенный подход к описанию данной ему действительности.

Пьер Вальц¹, описывая «моральные идеи и практические предписания» поэмы, сосредоточивает свое внимание на категории труда, как на главнейшем двигателе цивилизации, что вполне актуализирует дидактику «Трудов и дней» в духе первого десятилетия советской власти. «Необходимость труда есть кара за участие человека в преступлениях Прометея, плата за огонь, похищенный для него сыном Иопета, в особенности, следствие жадного любопытства Пандоры, выпустившей в мир бедствия. <...> С другой стороны, необходимость труда является неизбежным результатом прогрессивного упадка человечества: сила его и первичные добродетели мало по малу исчезли, а земля стала уже не так плодovита, как в своей первой молодости, и сама собой не дает пищи всем своим обитателям. Каково бы не было философское истолкование этих мифов, обязательство трудиться в обоих случаях вытекает, как необходимое последствие, из зарождения зла». [Вересаев, 35]

Отличие «труда» Свистонова от «необходимого» лишь в его поэтической специфике, ориентированности на внутрилитературные проблемы. Внешне циничные и даже безнравственные его поступ-

¹ Впервые: Pierre Waltz. Les «Travaux et Jours» d' Hesiode. 1909.

ки оправдываются в свете литературной полемики 20-х годов (материалом к которой Свистонов является априори в силу своей фикциональности) и могут найти основание в философских взглядах М.М. Бахтина, наиболее просто выраженных еще в раннем невелиском очерке «Искусство и ответственность» (1919): «за то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы пережитое и понятое не оставалось бездейственным в ней. Но с ответственностью связана и вина. Не только понести взаимную ответственность должны жизнь и искусство, но и вину друг за друга. Поэт должен помнить, что в прошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов. Личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду его жизни, но проникать друг друга в единстве вины и ответственности». [Бахтин, 5]

Следуя комментарию Теодора Бергка², историческая ситуация во время написания поэмы Гесиода вполне соотносима с событиями, связанными с возникновением советского государства и, главное, соотносимо с тем, как Вагинов воспринимал произошедшие перемены в культурной жизни страны: «Великое странствие племен, толчок к которому дало переселение дорийцев, совершенно изменило вид Греции. Рыцарская жизнь, достигшая в троянскую войну высшей своей точки, была уничтожена, и образовались новые гражданские отношения». [Вересаев, 21]

Сходны композиционные черты двух произведений. «Гесиод излагал свои мысли в больших и маленьких разделах, прерывавшихся паузами. Вследствие этого и поэма Гесиода носит до известной степени характер импровизации. Так, например, автору для его цели было достаточно изложение одного мифа, но он прибавляет к сказанию о Прометее рассказ о пяти веках, — родственного содержания, но имеющий и свое особое значение». [Вересаев, 24] И далее: «вставные «новеллы» в поэме Гесиода вовсе не сочиненные им тексты. Это фольклорные тексты, ходившие в народе: мифы (Прометей и Пандора, Пять веков), басни (Ястреб и соловей)». [Вересаев, 30]

Роман Вагинова также построен на цитировании текстов, связь между которыми подчас чрезвычайно слаба. ТДС избилует разрывами сюжетных линий, которые не могут быть воссозданы читательским воображением. Неизвестно, по какому поводу уезжает

² Впервые: Th. Bergk Griechische Literaturgeschichte. В.I, pp.939–962.

жена Свистонова, Леночка, об отъезде которой можно судить только по письму, полученному писателем. Нелогичны (или так же сокрыты от читателя) некоторые психологические мотивировки персонажей. Британский славист Г. Робертс верно заметил, что «если чтение Свистоновым реального мира приравнивается к неспешным наблюдениям за материалом, и объект восприятия относительно устойчив, то любому реальному читателю придется обращаться за помощью к тексту Вагинова»³.

Читатель подобен глухонемой героине Трине Рублис, невольной слушательнице рассуждений о литературе.

Уместно будет упомянуть также, что сшитые между собой предания разного происхождения в поэме «Труды и дни» — своего рода вставные новеллы в Вагинова, расположенные также в начале повествования, как и у Гесиода.

Однако ориентация ТДС на античную поэму⁴ не представляет нам доминирующей даже в рамках структуры заглавия. Дело в том, что титул поэмы Гесиода «Труды и дни» не был типичен для описываемого периода. На момент появления романа в России было осуществлено пять попыток перевода античного памятника. Первый печатный перевод «Исиода Аскрейского творения» принадлежит перу Александра Фрезинского (СПб, 1779). Затем князь П.И. Голенищев — Кутузов (М., 1807) перевел поэму в стихотворной форме, пользуясь современными ему западными переводами с древнегреческого и А.Г. Огинский (СПб, 1830) — в прозе с первоисточника. В 1885 году появляется работа Г.К. Властова (СПб, 1885), который в предисловии так характеризует свой труд: «Самый перевод не имеет претензий на изящество; главная его цель, имевшаяся в виду, была точная передача этого важного документа. Мы старались достичь этой цели подстрочным и почти дословным переводом. Каждая строка нашего перевода строго соответствует содержанию строки греческого оригинала». [Властов: 1] И, наконец, в 1927 году появляется перевод В.В. Вересаева (Л., 1927), текст которого в значительной мере исправлен по указаниям проф. Ф.Ф. Зелинского. Перевод поэм Гесиода был представлен Вересаевым в Академию Наук на соискание премии Пушкина 1919 года.

³ Roberts, 108 <пер. с англ. Наш — Д. Б.>

⁴ Есть возможность говорить о связях не только с конкретным текстом Гесиода, но и с античным «земледельческим» жанром Георгик. Такая параллель возможна, в первую очередь, за счет особенностей хронотопа в романе.

Со времени издания 1885 года, первого серьезного, «академического» издания поэмы, хрестоматийным становится заглавие «*Работы и дни*», которое было востребовано и в переводе Вересаева.

На неустойчивую ассоциацию с античным текстом указывает разброс переводов на английский язык заглавия романа Вагинова. Существует три известных нам варианта, из которых только один сохраняет гесиодовскую семантику — «*Labours and days of Svistonov*», используемый Грэмом Робертсом в книге «*The last Soviet avant-garde: OBERIU — fact, fiction, metafiction*» (Cambridge, 1997). Здесь Labour — нужно читать как тяжелый труд, преимущественно физический (как и в «земледельческой поэме» античного классика). В первом посмертном переиздании романа (New-York, 1984), несмотря на то, что основной текст печатается на русском языке, предлагается «расшифровка» заглавия для англоязычных граждан — «*The routing days of Svistonov*» — которая, видимо, не учитывает античную цитату. И, наконец, в книге Дэвида Шеперда «*Beyond metafiction*» мы находим любопытную интерпретацию — «*The works and days of Svistonov*». Относительно лексико-семантической группы существительное «work» в английском языке — неисчисляемое (соответственно, форма works — невозможна), за одним исключением, когда под «работой» подразумевается труд ученого или литератора, интеллектуальный труд. Это тонкое уточнение четко отграничивает «Труды и дни» от «Трудов и дней Свистонова».

Даже весьма общий, принципиально не претендующий на исчерпывающий, обзор текстов с интересующим нас заглавием дает основание заключить, что «Труды и дни» в начале XX века ассоциируются, в первую очередь, с исследовательской работой, посвященной отдельной биографии литератора или с теоретическим осознанием литературного опыта целого направления.

Свистонов написал такое произведение, которое безликие критики, изображенные в романе — слухи и сплетни — охарактеризовали как лучший роман со времен символистов. Любопытно, что печатный орган, «последний оплот» символизма, носил название «Труды и дни». «Иванов, Белый и Блок попытались основать в 1911 году новое издание, которое должно было называться «Журнал-Дневник» и стать новым «Дневником писателя», принадлежащим сразу трем авторам. В конце концов новое издание получило название «Труды и дни», заимствованное у Гесиода и призванное обозначить переход символизма к «созиданию»; с 1912 по 1916 год вышло восемь номеров этого журнала <...> «Труды и дни» склонялись к филологии, к те-

ории литературы: читатели устали от споров на общие темы, доведенные, надо признаться, Белым в четвертом номере журнала до крайней резкости тона и крайней расплывчатости содержания». [Нива: 100]

В январско-февральском номере «Трудов и дней» читаем: «Труды и дни ставят себе двойную цель. Первое, специальное назначение журнала — способствовать раскрытию и утверждению принципов подлинного символизма в области художественного творчества. Другое и более полное его значение — служить истолкователем идейной связи, объединяющей разносторонние усилия группы художников и мыслителей, сплотившихся под знаменем Мусагета. Соответственно этой двойной цели, журнал состоит из двух частей. В первом отделе найдут себе место теоретические и критические статьи, посвященные общим вопросам и отдельным явлениям художественного творчества. Во втором — будут разрабатываться проблемы современного философского и религиозно-нравственного сознания, наравне с темами эстетики, изучаемой в общепhilosophической связи». [Труды и дни: 1–2]

Теоретические, литературно-критические статьи являются образчиками культурно-исторического метода в изысканиях, прекрасного слога и энциклопедически широчайшего кругозора авторов, способных сопоставлять явления из разных эпох различных видов искусств. На титуле издания был изображен Аполлон на марке (из книги Carl Phillip Moritz — Die Gotterlehre) — прекрасная иллюстрация к содержанию номеров, полных культурных изысканий во имя покровителя науки и искусства. Отдельными рубриками было освещено творчество Вагнера, Гете и Данте.

Знакомство автора ТДС с данным изданием кажется возможным в связи с отмеченной исследователями близостью поэзии Вагинова (особенно в ранний период творчества) с поэзией символизма, что, по мнению Л. Черткова, прослеживается и на прозаическом этапе творчества автора: «В некоторых письмах чувствуется пиетет перед Андреем Белым, «Петербург» которого без сомнения оказал влияние на его роман «Козлиная песнь» (1928). Есть свидетельство, что из русской прозы Вагинов хорошо знал лишь символистскую. По словам Д.Е. Максимова интересовался он и Вячеславом Ивановым». [Чертков: 216]

Обратим внимание на еще один пример конкретного заглавия.

В 1910 году выходит второе дополненное издание работы Николая Осиповича Лернера (1877–1934) «Труды и дни Пушкина», посвященное биографии классика. Николай Осипович был видным ученым своего времени, типичным представителем дореволюционного «академического» литературоведения, чей труд о Пушкине долгое время оставался наиболее полной научной биографией поэта.

Н.О. Лернер в предисловии, датированном 19 ноября 1904 года, высказывается о принципе составления биографии следующим образом: «Быть может, меня обвинят в излишнем пристрастии к подробностям, к мелочам. На это обвинение я отвечу словами историка Ф. Туманского: «Не должно думать, что это мелочи, иногда самая краткая записка, самое маловажное обстоятельство разливает великий свет в бытописании — особенно потому, что при таких кратких записках выражается ясно имена, место, месяц, год, число». К тому же, — чем с большей обстоятельностью мы будем изучать Пушкина, тем лучше: сплошь да рядом то, что сначала кажется нам мелочью в биографии великого человека, при ближайшем изучении даст нам ценный материал для правильного суждения о его жизни, о процессе его творчества, об окружавшей его обстановке и т.п.» [Лернер, 3] В тексте ТДС читаем соответствие тезису Лернера: «мелочи удивительно поучительны и помогают поймать эпоху врасплох». [Вагинов: 150]

«Труды и дни...» представляет собой свод ежедневных заметок о жизни и творчестве Пушкина. Будет уместно процитировать несколько таких заметок:

«1824 Мая 22. Пушкину предписано Воронцовым

Отправиться в командировку в Херсонский, Елисаветградский и Александровский уезды для собрания сведений об истреблении саранчи. [Лернер: 98]

1827 Март. Пушкин был на Тверском бульваре с Корсаковым, В.П. Зубковым, Данзасом и другими знакомыми». [Лернер: 153]

В работе Н.О. Лернера с юридической непредвзятостью помещаются статьи совершенно разного содержания, внеотносительно их принадлежности к творческой биографии поэта: письма (личного, общественного характера), служебные записки, ведомственная переписка, цензурные решения. При подобном подходе отличить с первого взгляда биографию классика русской литературы от биографии назначая, состоявшего на какой-либо службе, представляется довольно затруднительным. Основополагающим является принцип хронологической последовательности, согласно которому в «сеть» времени «запутаны» подчас гетерогенные, не связанные между собой факты. У Вагинова встречаем следующее: «Леночка [Свистонов — жене — Д. Б.] сколько раз я тебя просил собрать все [газетные — Д. Б.] вырезки и приклеить в хронологическом порядке. <...> К тому же, сколько раз я тебя просил на всех, даже самых незначительных вырезках помещать дату, название газеты». [Вагинов: 156]

Среди номенклатурного и бюрократического письма теряются замечания о начатых, написанных, отданных в печать произведениях

автора. К примеру, частотность упоминания за 1827–1828 гг. о работе над «Евгением Онегиным» уступает количеству заметок по судебному делу о распространении стихов А. Шенье, в котором Пушкин «проходил» только как свидетель. Может сложиться впечатление, что судебной тяжбе поэт посвятил большую часть того времени.

Далее в тексте встречаем две эпиграммы, написанные Пушкиным на рисунках к «Евгению Онегину» в Невском Альманахе за 1829 г., который нашелся у М.И. Пущина. Это эпиграмма на главную героиню Татьяну «Сосок чернеет сквозь рубашку» и «Вот перешедши мост Кукушкин» — на самого себя, автора романа в стихах. В тексте биографии Лернера «ценность» сведений о написании эпиграммы равновелика «ценности» написания «Евгения Онегина». Это происходит в силу выбранного критерия систематизации фактов — здесь важнейшим является хронологический признак — одна статья о завершении и печати главы из романа, другая, равнозначная ей — заметка об игри-вом настроении Пушкина.

С работами Лернера Вагинов мог ознакомиться в начале 20-х годов во время посещения поэтических курсов Н. Гумилева, проходивших в Ленинградском Доме Искусств, где в те годы Николай Осипович вел семинарий по Толстому [Фрезинский: 9]. Так же, и что более вероятно, имя Лернера ассоциировалось у Вагинова с литературными прениями, вызванными Формальной школой, представители которой активно выступали против подобного «биографического» подхода к творчеству авторов, отстаивая возможности имманентного анализа художественных произведений.

В 2010 году выходит том «Труды и дни Н. Гумилева», осуществляющий реконструкцию замысла скрупулезного исследователя творчества Н.С. Гумилева, собирателя архива поэта, П.Н. Лукницкого (1900–1973). В конце 20-х годов труд был выполнен лишь частично в виде кратких конспектов и планов всех его частей, однако конкретное заглавие упоминалось Лукницким уже тогда⁵. Следует также добавить, что известный мемуарист, собиратель архива А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева, по мнению авторов комментария к «Полному собра-

⁵ В предисловии к книге В. Лукницкой Д.С. Лихачев писал: «В 1924 году, заканчивая курсовую работу по творчеству Н. Гумилева, студент Петроградского университета Павел Лукницкой, начинающий поэт, пришел с собранными материалами к Анне Ахматовой. Встреча положила начало их дружбе и совместному труду о поэте <...> университетская курсовая работа переросла в рукописный двухтомник «Труды и дни» — свод сухих, конкретных фактов хронологической канвы жизни и творчества Н. Гумилева» [Лихачев: 3]

нию сочинений в прозе» Вагинова Т.Л. Никольской и В.И. Эрля, послужил прототипом к Мише Котикову, персонажу «Козлиной песни», который стремится «оживить» своего кумира, поэта Заэвфратского, буквально «шаг в шаг» повторяя его жизненный путь, и для этого занимается его архивом.

«Ваши материалы о жизни Александра Петровича удивительны, но в них есть какая-то странность, но это ничего — это молодость. Как жаль, что во время нашего солнца не существовал молодой человек, подобный вам. Как бы это было бы интересно, день за днем, час за часом, проследить жизнь гения». [Вагинов: 128]

Вагинов доводит до абсурда образ архиватора-коллекционера, который настолько вживается в своего героя, что считает благозвучным жениться на постарелой вдове поэта: «Вся жизнь для него заключалась в образе Заэвфратского». [Вагинов: 134] Подобный подход к исследованию творчества соотносится с методом Н.О. Лернера и академической науки в целом.

Традиция заглавия монографических работ как «Труды и дни» в дальнейшем будет поддержана работами о М.В. Ломоносове (1934), И. Бродском (1998), М. Волошине (2002), Н.В. Гоголе (2004) — возможно продолжение списка примеров.

И так, если из под пера Вагинова выходит жизнеописание некоего литератора — безусловно, собирательный образ, включающий в себя черты как самого автора, так и ближайшего к нему окружения⁶ — то как же охарактеризовать его место в истории литературного процесса, типологизировать Свистонова? И здесь бесполезным будет обратить внимание на возможную этимологию столь забавной фамилии.

Свистонов — герой, с которым может ассоциироваться вполне конкретная историческая личность — граф Дмитрий Иванович Хвостов, записной графоман «пушкинской поры», с которым связана целая «хвостовиана» эпиграмм, насмешек и пародий. В 20-ые годы, вместе с общим интересом формалистов к забытым и малоизученным именам Золотого века русской поэзии, личность графа Хвостова обретает некую популярность (в связи с этим, в первую очередь стоит упомянуть работу Ю.Н. Тынянова «О пародии» (1929), начало которой было положено еще на Пушкинском семинаре Венгерова, где молодой исследователь выступил с докладом о пародийной пушкинской оде «его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову») [Тынянов: 236].

Реабилитированный современным литературоведением как создатель особой поэтики, которая не могла быть адекватно воспринята

⁶ Об этом в уже упомянутом комментарии к полному собранию прозы Конст. Вагинова.

в начале XIX века, граф Хвостов, однако, навсегда войдет в историю литературы как мифологический персонаж Хлыстов, Ослов, Рифмин и т.д. — аллегория поэтической бездарности. Среди множества прозвищ, которыми высмеивали поэта были и такие как «Свистов» и «Хвастон». Сочетание дает нам выписанное в тексте Вагинова — Свистонов. Данным сочетанием можно объяснить, почему автор не остановился на варианте «Свистунов» (что подчеркивало бы однозначную этимологическую связь с корневой морфемой «свист»).

В соответствии с классификацией заглавий, предложенной И.Н. Сухих, «Труды и дни Свистонова» возможно отнести к заголовкам временного типа (по аналогии с «Жизнью Клима Самгина» или с «Жизнью Арсеньева») или даже к ситуационным заглавиям (которые обозначают «организуемое произведение коллизию, событие, происшествие» [Сухих: 227] — сюжет организован работой Свистонова над романом). Однако в силу своей интертекстуальной нагруженности, переносящей акцент с описания конкретной личности (пусть даже, предположим, типичной для своего времени) на бытийные или общекультурные реалии, подобные определения кажутся узкими, не отражающими содержания книги.

Не подходит также отнесение к обобщенному типу, «в которых отражено какое-то свойство, качество, психологическая черта или социальное явление, взятое в философской отвлеченной форме» (по аналогии с заглавиями «Война и мир» или «Жизнь и судьба»). [Сухих: 227] Этот тип возвращает нас к прямому соотношению романа Вагинова с титулом поэмы Гесиода.

Как вывод из приведенного нами анализа, верным будет отнести ТДС к формоуказывающим заголовкам — из чего следует, что «заглавной» доминантой» [Сухих: 224] романа является его жанровая и формальная специфика художественного смысла. Жанровая характеристика, вынесенная в заглавие, относит роман на границу между художественным и научным повествованием. Вымышленная монография на тему «Вымышленный образ писателя 20-х годов XX века».

Библиография

1. Вагинов К.К. Полное собрание сочинений в прозе. СПб., 1999.
2. Бахтин М.М. Собр. соч. в 7-ми т. Т.1. Философская эстетика 1920-х годов — М.: Издательство Русские словари-Языки славянской культуры, 2003.
3. Вересаев В.В. Гесиод «Работы и дни». Земледельческая поэма М., 1927.

4. Гезиод / Вступ. ст., прим., пер. Г. Властова. СПб., 1885.
5. Герасимова А. Труды и дни Константина Вагинова // Вопросы литературы. М., 1989. №12. С. 131 – 166.
6. Лернер Н.О. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910.
7. Лихачев Д.С. Предисловие к книге Веры Лукницкой // Лукницкая В. Николай Гумилев. По материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 3–5.
8. Нива Ж. Русский символизм // История Русской литературы: XX век: Серебряный век / под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды и Е. Эткинда. — М., 1995. С. 73–106.
9. Сухих И.Н. Поэтика чеховских заглавий // И.Н. Сухих Проблемы поэтики Чехова. 2-е изд., доп. — СПб., 2007. — С. 224–231.
10. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
11. Фрезинский Б.Я. Судьбы серапионов. Портреты и сюжеты. СПб., 2003.
12. Чертков Л. Поэзия Константина Вагинова // Вагинов К. Собрание стихотворений. Munchen, 1982. С. 213–230.
13. Roberts G. The last Soviet avant-garde: OBERIU — fact, fiction, metafiction. Cambridge, 1997.